

Для цитирования: Балаклеец, Н. А. «Варварство» и «естественное состояние»: в поисках смысловых параллелей / Н. А. Балаклеец // Социум и власть. — 2025. — Т. 22. — № 4. — С. 102–121. — EDN NUHRLX.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

EDN NUHRLX

BAK 5.7.7

УДК 172.4

ГРНТИ 02.41.21

«ВАРВАРСТВО» И «ЕСТЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ»: В ПОИСКАХ СМЫСЛОВЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Балаклеец Наталья Александровна,
Самарский государственный
технический университет,
доцент кафедры философии и социально-
гуманитарных наук,
кандидат философских наук, доцент.
Самара, Россия.
SPIN: 9517-9438
ORCID: 0000-0001-5191-3318
Scopus ID 57195804831
Researcher ID AAD-9316-2021
E-mail: bnatalja@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Введение. Несмотря на длительные и многотрудные усилия человечества, направленные на гуманизацию социальных и политических отношений, они не становятся более устойчивыми и свободными от насилия. В условиях нестабильной и рискогенной современности обнаруживают свою актуальность и обретают новые смыслы концепты «варварство» и «естественное состояние», которые служат значимыми средствами анализа социально-политической реальности.

Цель. Раскрытие смысловой аналогии между концептами «естественное состояние» и «варварство», установленной или намеченной в работах классиков политической философии и современных авторов, а также экспликация путей смыслового сближения указанных концептов.

Методы. Используются методологические принципы и установки герменевтики и компаративного анализа, позволившие осуществить сравнительное исследование

концептуальных средств, принадлежащих к различным пластам философского дискурса. Применение элементов социального конструктивизма и дискурс-анализа оказалось продуктивным для выявления философских и политических оснований исследуемых в статье концепций. Кроме того, использован методологический инструментарий интеллектуальной истории и истории понятий Р. Козеллека.

Научная новизна исследования. Новизной обладает постановка проблемы сближения дискурсов о варварстве и естественном состоянии, экспликация причин данного сближения, а также вытекающих из него перспектив развития политико-философской мысли. Эксплицированы два пути сближения концептов «варварство» и «естественное состояние». Первый из них основан на освобождении понятия «варварство» от этно- и европоцентристских смыслов. Второй предполагает придание обоим концептам статуса инструментов исследования эмпирически достоверных социально-политических реалий.

Результаты. Раскрыта теоретико-эмпирическая асимметрия концептов «варварство» и «естественное состояние», понятий в их генетическом аспекте. Первый из них изначально служил средством обозначения эмпирически-конкретных социальных реалий, в то время как второй был сконструирован в качестве абстрактного философского средства, необходимого для исследования и апологии политического. Показаны пути трансформации смыслового содержания концепта «варварство», который, сохраняя в целом критический смысл, становится все более абстрактным и утрачивает узкое этноцентричное значение. Раскрыта суть предпринимаемой рядом авторов (Ф. Манов, П. Пурчерт, О. Эберль) установки деконструкции колониальных смыслов «естественного состояния». Привязка данного концепта к исторической конкретике позволяет трактовать его как теоретический «слепок» с «варварства», что влечет за собой ряд следствий для политической философии.

Выводы. Концепты «варварство» и «естественное состояние» обнаруживают свою значимость для описания современных социально-политических реалий. Их смысловое сближение происходит в ситуации кризиса, охватывающего различные стороны социальной жизни, и свидетельствует о тесном взаимопроникновении социального и политического. Вместе с тем каждый из указанных концептов способен

функционировать и в собственном смысловом поле, инкорпорируясь в современный философский дискурс.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

варварство,
естественное состояние,
политическая философия,
государство,
цивилизация,
колониализм,
насилие

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 10.07.2025

Рецензии получены: 12.11.2025

Принята к публикации: 21.11.2025

Права: © Балаклеец Н. А. (2025).
Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

Введение

Приступая к анализу концептов «естественное состояние» и «варварство» в перспективе их семантического сближения, отметим, что оба они отличаются многозначностью и нагруженностью различными философскими и социокультурными смыслами. Несмотря на длительную интеллектуальную историю, которую прошли оба концепта, каждый из них обнаруживает релевантность современности. Концепт «естественное состояние» реанимируется новыми контрактуалистами (Дж. Ролзом, Р. Нозиком), обретает новые смысловые горизонты в работах Дж. Агамбена, Ф. Анкерсмита, Р. Кори. В то же время в современных условиях происходит активное конструирование дискурсов о «новом варварстве» (Э. Морен), «латентном варварстве», «цифровом варварстве» и «внутреннем варварстве». В ряду исследований, обнаруживающих значимость для настоящего анализа, упомянем работы Т. Гоббса, Г. Еллинека, Р. Коллингвуда, М. Фуко, К. Оффе, Н. В. Мотрошиловой, Ф. Манова, О. Эберля, П. Пурчерта, Л. Вааса, отечественных исследователей латентного варварства (В. П. Будановой, И. В. Следзевского, И. Г. Яковенко и др.). Активное конституирование современных дискурсов о варварстве и сохранение «естественным состоянием» статуса одного из центральных политико-философских концептов свидетельствует о том, что мы не можем сбрасывать со счетов те средства анализа социально-политических реалий, которые, казалось бы, накрепко «привязаны» к нововременному философскому дискурсу и «запятнаны» европоцентристскими коннотациями. Избранная нами исследовательская стратегия предполагает выбор для теоретического анализа из колоссального массива работ преимущественно тех, в которых актуализируются алармистские и деструктивные обертоны обоих концептов. Оба они способны выражать угрозы достижениям человечества, политическим (естественное состояние как нежелательный или губительный

для политического сообщества вектор возврата к неуправляемому насилию) или цивилизационным (варварство как элемент, разрушительный для достигнутого человечеством (или его частью) уровня материально-технологического и духовного развития). Оба концепта в кризисных для политической и социальной жизни ситуациях маркируют угрозу возврата на, казалось бы, уже преодоленную обществом ступень развития.

Вместе с тем в отечественном философском дискурсе отсутствует комплексное сопоставительное исследование, которое охватывало бы оба концепта. Не претендуя в рамках настоящей статьи на реализацию столь масштабного проекта, отметим, что мы эксплицируем тенденции смыслового сближения «варварства» и «естественного состояния», которые обнаруживает современная философская мысль. При этом мы последовательно рассматриваем моменты их различия, а также причины и возможности сближения, которые заложены как в дискурсе о варварстве, так и в работах о естественном состоянии.

«Варварство» и «естественное состояние»: теоретико-эмпирическая асимметрия

Прежде всего следует указать на принадлежность рассматриваемых концептов к различным философским традициям. Речь идет об элементах различных дискурсивных систем в рамках философского знания, каждая из которых, в свою очередь, является разветвленной и обладает концептуальной неоднородностью. Концепт «естественное состояние», начиная с «Левиафана» Т. Гоббса¹, актуализирует ярко выраженные политические смыслы и может рассматриваться как

синоним дополитического состояния, противопоставленного политическому [3, с. 98–100]. Концепт «варварство», являя собой оппозицию «цивилизованным» формам социальной жизни, демонстрирует возможность использования, преимущественно, в социокультурном значении. Указанное различие, безусловно, не является абсолютным, поскольку, как будет показано ниже, социокультурные и политические смыслы обоих концептов и дискурсивные практики, в которых они представлены, переплетаются, а концепты, изъятые из разных дискурсивных пластов, обнаруживают как элементы смысловой несовместимости, так и точки сближения.

Сопоставительный анализ показывает, что мы имеем дело с принципиально разными понятиями, обнаруживающими в своем генезисе теоретико-эмпирическую асимметрию: если «варварство» в различных историко-культурных контекстах служило средством описания эмпирически достоверных реалий, то «естественное состояние» является ярко выраженным примером философской абстракции. Как отмечает К. Оффе, термин «варварство» встречается уже у Гомера и Геродота применительно к непереводаемому иноязычию, для обозначения тех людей, с которыми невозможно объясниться ни на нашем, ни на их языке (прежде всего, греки имели в виду персов). При этом первоначально указанный термин не обладал уничижительным значением. Негативные коннотации термин «варварство» приобрел во время правления Ксеркса и в ходе греко-персидских войн. В Древнем Риме варварами именовали наемников, поступающих из иностранных провинций империи [32, S. 77]. Для целей настоящего исследования необходимо подчеркнуть два момента, проясняющие различия между терминами «варварство» и «естественное состояние» в их генетическом аспекте. Во-первых, происхождение термина «варварство», объясняемое его звукоподражательным характером, не связано со строгим теоретическим дискурсом. Те негативные коннотации,

¹ В «Левиафане» Т. Гоббса естественное состояние человечества обозначается как «the state of natures of mankind», однако его последователи и интерпретаторы прибегают к термину «state of nature» [23] (франц.: état de nature, нем.: Naturzustand), что позволяет рассматривать их как синонимы.

которые приобрел данный термин в обыденном речевом обиходе, повлияли и на последующую его рецепцию представителями исторической и философской мысли (в частности, в рамках линейно-стадиального подхода к истории). Во-вторых, термин «варварство» изначально обладал устойчивой привязкой, употребляясь по отношению к конкретным (этнически или территориально маркированным) группам людей. Варвар — это другой, нарушающий привычные границы моего социокультурного мира. Таким образом, будучи рассмотренным в своем генезисе, данное понятие не являлось нейтральным средством описания социальной реальности. Мы имеем дело с эмпирически нагруженным понятием, имеющим лого- и этноцентристскую, а впоследствии приобретшим европоцентристскую подоплеку. Фигура варвара изначально конституируется из перспективы моего, противопоставленной чужому, которое не подлежит ассимиляции.

Термин «естественное состояние», напротив, обозначает умозрительный конструкт, инструмент политико-философского познания, демонстрирующий широкий спектр возможностей использования и допускающий массу интерпретаций. Значения данного термина настолько многообразны, что он с трудом поддается четкому философскому определению [24, S. 6]. Возможности подобной смысловой избыточности заданы уже Т. Гоббсом. Автор «Левиафана» предлагает довольно размытые смысловые контуры в понимании естественного состояния, трактуя его как состояние взаимной вражды в условиях отсутствия суверенной власти государства, обусловленное природным равенством людей в отношении физических и интеллектуальных способностей [5, с. 93]. По мнению М. Фуко, Гоббсово состояние *bellum omnium contra omnes* не следует связывать с реальными военными событиями, имевшими место в прошлом. Оно «не может считаться самостоятельной стадией в истории человечества, из которой люди вышли бы в тот день, когда родилось государ-

ство; речь идет, фактически о своего рода постоянной основе, общественной жизни» [18, с. 107]. Как отмечает А. Ф. Филиппов, подводя итог развитию философского дискурса о естественном состоянии, «рассуждения Гоббса имеют теоретическую, а не фактографическую актуальность», соответственно, состояние войны всех против всех представляет собой идеализацию процесса, порождающего новое [16, с. 111].

Таким образом, в отличие от концепта «естественное состояние», выступающего сугубо теоретическим конструктом, понятие «варварство» имеет эмпирическую подоплеку. В качестве варваров обозначалась реальная историческая сила, которая, в частности, могла привести к падению целых империй (Рима, Византии). Естественное состояние, понимаемое как инструмент политико-философского анализа, предполагает вне- или доисторическое бытие, отсутствие исторического развития. Гоббс конструирует данный феномен в качестве предельного понятия, обозначающего способ человеческого бытия, предшествующий политическому или исключенный из его структуры. Концепт «естественное состояние» обнаруживает свою эвристическую ценность в качестве средства теоретического анализа в философской (но не в исторической) мысли. Его функционирование в политико-философском дискурсе не предполагает необходимости тестирования исторических реалий на соответствие этому интеллектуальному конструкту.

В данной связи следует отметить, что отторжение конкретно-исторических смыслов «естественного состояния» исходит не только от философов, но и от ученых. Так, еще Г. Еллинек в своей фундаментальной монографии «Общее учение о государстве» в качестве главного аргумента против эпистемологической достоверности договорной концепции происхождения государства называет ее «неисторичность» [28, S. 215]. Согласно Еллинеку, некорректно рассматривать концепцию Гоббса в качестве свидетельства

исторического становления государства: «Его учение, скорее, раскрывает рационализацию процесса основания государства, который не привязан к какому-либо определенному месту и времени» [28, S. 209–210]. Следовательно, в интерпретации Еллинека, договорная концепция в Гоббсовом варианте имеет не дескриптивный, но апологетический характер. Цель, которую она преследует, — не объяснение происхождения государства, но его апология, основанная на рациональных аргументах.

Вместе с тем, как явствует из XIII главы «Левиафана», «естественное состояние», будучи абстрактным средством теоретического анализа, все же обнаруживает возможность отсылки к историческим прецедентам. Подчеркнем, что Гоббс не настаивает на исторической достоверности описываемого им дополитического состояния — он лишь указывает на его аналоги в актуальной для автора современности, опуская их детализацию. Таковыми, по его мнению, служат «дикие племена во многих местах Америки», а также тот образ жизни, до которого люди «обыкновенно опускаются во время гражданской войны» [5, с. 97]. Вместе с тем «естественное состояние» как инструмент рефлексии политического «работает» без строгой привязки к исторической конкретике. Для политико-философского дискурса вопросы о том, какие регионы Земли в какие исторические периоды были охвачены этим состоянием (и имело ли место вообще это состояние в истории человечества), т. е. вопросы, связанные с отысканием его конкретных пространственно-временных форм и в целом его исторической подлинности, являются непринципиальными. Политическая философия рассматривает естественное состояние не как историческое событие, но как отправную точку рефлексии политического, угрозу для его существования либо его конститутивный элемент.

С нашей точки зрения, указывая на два аналога естественного состояния в современном ему мире, Гоббс акцентирует его дополитический и вместе

с тем контрполитический характер. Дополитическое бытие мыслитель трактует как способ бытия племен, не знавших государственности. В качестве контрполитической угрозы, т. е. угрозы сложившемуся политическому порядку, автором «Левиафана» рассматривается гражданская война. Выстраивая этатоцентристскую концепцию политического, Гоббс выражает контрреволюционные идеи [12, с. 51–52]. Угроза возврата к естественному состоянию в рамках государственной жизни связывается мыслителем с разрушением ее политической монолитности. По свидетельству Ф. Анкерсмита, ранние теории политических партий вдохновлялись идеей Гоббса о том, что отдельные общественные группы (в тогдашней терминологии, «фракции»), отстаивающие свои партикулярные интересы, расшатывают государственное единство: «Гоббс где-то выразительно охарактеризовал фракции как «червей в утробе государства»» [2, с. 82]. Аналогичную идею высказывает Р. Коллингвуд, в качестве причины гражданской войны называя разделенность общества на фракции, движимые собственными интересами, враждебными друг по отношению к другу [23, р. 335]. Весьма показательной также является мысль И. Канта о «незаконном враге», пытающемся в условиях оформившейся системы международных отношений ввергнуть человечество в естественное состояние. Как отмечает немецкий классик, «незаконным врагом» является тот, «чья публично (все равно, словом или поступком) выраженная воля выскажет максимум, согласно которой, если я сделаю ее всеобщим правилом, состояние мира между народами станет невозможным и навеки установится естественное состояние» (цит. по: [21, с. 212]).

Анализируя приведенную мысль Канта, К. Шмитт задается вопросом о необходимости конкретизации фигуры незаконного врага: приведенная абстрактная формулировка не дает возможности придать ему четкие историко-политические контуры. «В каком

строю он стоял? Была ли этим врагом, скажем, революционная Франция? Или консервативная Габсбургская монархия? Или царская Россия? Или морская держава — Англия? Или же тогда не было незаконного врага и все они были законными?», — вопрошает Шмитт, оставляя возможность ответа на свои вопросы открытой [21, с. 215]. На наш взгляд, отсутствие исторической конкретики в Кантовой дефиниции незаконного врага отнюдь не является случайным. Лицо, пытающееся словом или делом ввергнуть человечество в разрушительное состояние «войны всех против всех», квалифицируется посредством элементов нейтрального юридического дискурса. «Незаконный враг» описывается не как конкретный политический противник, представляющей во всей полноте своей эмпирически воплощенной сущности, но в абстрактных философско-правовых категориях, подобно тому, как средствами абстрактного философского дискурса описывается естественное состояние. И в Гоббсовом описании дополитической жизни как «войны всех против всех», и в Кантовой дефиниции незаконного врага, стремящегося подобную войну увековечить, присутствует отсылка к всеобщности, установка на элиминацию исторически-конкретного.

Концепт «естественное состояние», понимаемый в качестве теоретического инструмента и рассматриваемый вне связи с колониальной повесткой, обладает семантической емкостью и претендует на эпистемологическую нейтральность. Подтверждением этого служит разнообразие способов понимания и теоретического описания политического и социального, которые берут свое начало из «естественного состояния» как «отправной точки» рефлексии. Данный концепт присутствует в работах мыслителей, исповедующих разные политические идеалы: сторонника абсолютной монархии Гоббса [5] и республиканца Руссо [14], современного апологета этатизма Анкерсмита [2] и сторонника «минимального государства» Нозика [11]. Изначально за-

ложенные и неустранимые пейоративные коннотации концепта «варварство» значительно сужают его смысловые горизонты. В силу крепко связанной с ним оценочной семантики он не может быть признан эпистемологически нейтральным средством анализа.

«Варварство», по крайней мере, в европоцентристском дискурсе, подразумевает множественность и гетерогенность социокультурных форм. «Варвар» — чужак по отношению к моей культуре. «Естественное состояние» мыслит масштабами всего человечества. Не случайно, пытаясь придать данному понятию эмпирически-наглядное содержание, Локк формулирует тезис: «Вначале весь мир был подобен Америке» [8, с. 290].

И «естественное состояние» и «варварство» могут быть признаны негативными концептами, или, в терминологии Р. Козеллека, контрпонятиями (*Gegenbegriffe*) [29, S. 176], которые нуждаются в семантической противоположности. «Варваров» не существует, если нет «эллинов» — той социокультурной общности, которая, противопоставляя себя другим, таким образом определяет свои границы и находит свой идентификационный признак. Аналогичным образом, и «естественное состояние» может быть сконструировано только по отношению к гражданскому или государственному.

Оба концепта служат инструментами конструирования и легитимации политического и выстраиваются на фоне определенного политического порядка. На фоне конкретной империи конструируется концепт варварства, который проецируется на реально существующие народы (к примеру, германские племена для Римской империи). На фоне реально существующего политического и правового порядка конструируется концепт естественного состояния, который является предельной степенью отрицания данного порядка. Однако если феномен «варварства» накладывается на существующие социокультурные и социально-политические реалии, то «естественное состояние»,

как уже подчеркивалось, не предполагает строгого соотнесения с эмпирией (и, тем самым, он обладает гораздо большей степенью теоретической отвлеченности и смысловой вариативности). Общее между рассматриваемыми средствами познания социально-политической реальности заключается в том, что они конструируются исходя из доминирующей политической (или социокультурной) перспективы. В обоих случаях реализуется иерархичная концептуальная оптика: на «варваров» сверху вниз смотрят представители «цивилизованных» народов, на воображаемые человеческие сообщества, погруженные в «естественное состояние», — представители гражданского общества оформившихся западноевропейских политических систем. Концепт «варварства» призван обосновать претензии на гегемонию какой-либо отдельной социокультурной общности (Рим периода Империи, Европа периода колониализма). Аналогичным образом, отсылка к естественному состоянию как губительной взаимоистребляющей войне *Wolfsmenschen* (человеко-волков), обосновывает легитимность и необходимость устойчивого политического порядка. Тем самым данный концепт актуализирует футурологические смыслы: размышления об ужасах гипотетического «естественного состояния» подводят к идее укрепления государственного целого.

Настоящий анализ не ограничивается установлением смысловых связей между концептами, функционирующими в качестве элементов относительно автономных дискурсивных систем. Далее мы исследуем возможность их смыслового сближения в рамках одной дискурсивной системы. Тем самым будут эксплицированы не просто семантические аналогии параллельно функционирующих понятий, но возможности их взаимопересечения в едином смысловом поле. Поскольку, с одной стороны, мы имеем дело с теоретической абстракцией, а, с другой стороны, — с концептом, нагруженным обилием историко-культурных смыслов, вполне

логично предположить, что возможны следующие пути их смыслового сближения. Во-первых, понятие «варварство», имеющее ярко выраженные оценочные и критические обертоны, может освободиться от привязки к эмпирически-конкретным формам социальной жизни. Оценочная маркированность в данном случае сохраняется, однако эвристический потенциал понятия значительно увеличивается за счет отказа от его узкой этноцентристской/шовинистической трактовки. Во-вторых, взаимосвязь концептов «варварство» и «естественное состояние» осуществляется, наоборот, путем «привязки» второго из них к исторической конкретике. Тем самым развивается намеченная уже самим Гоббсом аналогия между политическим состоянием и жизнью «диких племен Америки», которая в «Левиафане» имеет довольно размытые смысловые контуры. Далее перейдем к более подробному рассмотрению выявленных нами возможностей сближения указанных концептов.

Концепт «варварства»: от конкретного к абстрактному

XX век, озаглавленный беспрецедентным кровопролитием двух мировых войн, продемонстрировал, что концепт «варварство» применим не только по отношению к исторически пройденному этапу развития человечества, но и к современным «цивилизованным» народам. Войны, развязанные «передовыми» народами, реанимировали древние деструктивные социокультурные практики, продемонстрировав, «насколько тонким может быть покрывало цивилизации» [25, S. 28]. Уже Первая мировая война привела к формированию в среде западноевропейских интеллектуалов расхожего убеждения в том, что вооруженное насилие, которое чинили претендующие на цивилизованный статус нации, сорвало «тонкую культурную завесу» и обнажило «подлинную примитивную природу» человека [30, S. 168]. В разгар войны З. Фрейд высказывает идею о том, что

структуры человеческой психики на протяжении истории человечества не претерпели сколь-либо существенных трансформаций: «примитивная психика является в полном смысле слова нерушимой» [17, с. 38]. В ситуации войны рушится столь тщательно возводимая и старательно культивируемая грань между «цивилизованными нациями» и варварами: «война ... лишает нас последних достижений цивилизации и обнажает в каждом из нас первобытного человека» [17, с. 48]. Другой представитель психоаналитического подхода, К.Г. Юнг, на одном из своих частных семинаров 1936 года приходит к выводу о пробуждении первобытного бога Вотана в коллективном бессознательном немецкой нации: «Вотан — это не Бог цивилизованных людей, это состояние природы» [22, с. 381]. Подчеркивая деструктивный и дезинтегрирующий характер всплесков природного начала в современных ему исторических событиях [22, с. 382], ученый прямо указывает на регрессию милитаризированной нации к естественному (буквально: природному) состоянию. Впадение в последнее и является победой природного над цивилизационным. По мнению Б. Хюппауфа, именно события Первой мировой войны послужили источником литературного вопрошания об отношении цивилизации к доцивилизационному, варварскому или примитивному состоянию. И хотя этот вопрос оказался бесполезным для развития искусства, он обнаружил свой маргинальный характер для военной истории: «Риторические фигуры говорят о «впадении» в примитивное или «возвращении» варварского. Однако метафора «впадения» (Rückfall) пуста. <...> Популярное после 1918 года отождествление высокотехнологичной современности с примитивными началами цивилизации было плодотворным для истории искусств, но осталось пустым в отношении войны» [27, S. 157]. Вместе с тем сам факт сомнения в достижении человечеством уровня цивилизованности, исходящий от западноевропейских интеллектуалов, является показательным.

В гораздо большей степени европоцентристская оппозиция цивилизации и варварства начала рушиться под влиянием событий Второй мировой войны. И здесь мы можем провести следующую аналогию между критическими дискурсами о варварстве и учением о естественном состоянии. Аналогично тому, как переход от естественного состояния в гражданское не приводит к полному преодолению первого в учрежденной политической структуре ([5, с. 97], [23, р. 263], [1, с. 138]), невозможно достижение цивилизованного состояния, свободного от деструктивных элементов варварства. Черты той структуры, которая, казалось бы, преодолена учреждением суверенной власти или вступлением на новый этап истории, обнаруживаются в новой социально-политической реальности. Тем самым и политическое и цивилизационное состояния характеризуются структурной гетерогенностью, включая анклавы дополитического и доцивилизационного.

Смысловое сближение современных форм варварства и естественного состояния присутствует в трактате Р. Коллингвуда «Новый Левиафан, или человек, общество, цивилизация и варварство», увидевшем свет в 1942 году. Сам автор проясняет замысел своей работы как попытку приблизить классический труд Гоббса к современности, в свете тех научных открытий, которые были сделаны за прошедшее с момента его публикации время. Коллингвуд приступил к написанию книги сразу после начала Второй мировой войны, однако ее замысел возник гораздо раньше, после событий Первой мировой, которые, по признанию автора, послужили для него катализаторами рефлексии «новой формы варварства» [23, р. iv–v].

Отказ от сугубо этнологической и европоцентристской трактовки варварства у Коллингвуда проявляется в том, что он трактует названный феномен как «процесс приближения к идеальному состоянию» [23, р. 283]. Примечательно, что и цивилизация и варварство трактуются автором «Нового Левиафана» не как состояния, но как

процессы [23, р. 307]. Процесс цивилизации (civilization) является «асимптотическим приближением к идеальному состоянию цивилизованности (civility)» [23, р. 284]. Динамическое, процессуальное понимание названных концептов свидетельствует о признании их относительной (а не абсолютной) противоположности. Элементы варварства присущи цивилизованной жизни, а само оно понимается Коллингвудом как низкий сорт цивилизации» [23, р. 327].

Подобно Гоббсу, Коллингвуд работает не с конкретно-историческими феноменами (хотя они присутствуют в трактатах обоих авторов), но с философскими абстракциями, что делает возможным смысловое сближение концептов варварства и естественного состояния, присутствующее в «Новом Левиафане». Вместе с тем при чтении трактата закономерно возникает вопрос: почему Коллингвуд отказывается основывать свое исследование на классической контрактualистской оппозиции естественного и гражданского состояний и делает его центральными концептами варварство и цивилизацию? Давая ответ на данный вопрос, прежде всего, отметим, что философ разводит понятия «социальное» и «цивилизационное», постулируя в качестве оппозиции к первому из них «несоциальное сообщество» (non-social community, в терминологии автора аналог естественного состояния), тогда как оппозицией второму понятию выступает «варварство». Установка на критику современного варварства связана, таким образом, с борьбой не просто за социальные, но и за цивилизационные идеалы: индивидуальную свободу, уважение по отношению к себе и другим членам общества, воздержание от применения силы и т. д. Кроме того, выскажем предположение, согласно которому концепт «естественное состояние» является слишком нейтральным для обозначения тех форм деструктивности, с которыми столкнулось человечество в мировых войнах. Влияние военных событий на текст «Нового Левиафана» очевидно. Оно прослежи-

вается, в частности, в оценке немецкой политико-философской мысли и в отношении к немецкой нации в целом как «варварской», что вполне объяснимо гражданской позицией автора, чье государство пострадало от преступных действий немецкого нацизма. Согласно Коллингвуду, немецкие философы не смогли разработать собственную концепцию естественного состояния и придать ему позитивный смысл: они пришли к единству в понимании того, что «это не ясли, а пещера» [23, р. 269], наделили «благородного дикаря» Руссо чертами варвара. Критика немецкого общества распространяется и на христоматийное немецкое преклонение перед государством: за культом государства автор «Нового Левиафана» усматривает поклонение «стаду» (herd) [23, р. 276].

Абстрагируясь от националистических выпадов Коллингвуда, объяснимых военно-политическим контекстом, повлиявшим на идеи трактата, подчеркнем, что ряд содержащихся в нем мыслительных схем обнаруживает значимость для современного дискурса о варварстве. Наряду с эксплицированными выше процессуальностью в понимании варварства и обоснованием его неустранимого присутствия в динамике цивилизации, укажем на два признака «цивилизованности», выделяемые Коллингвудом. Во-первых, цивилизованность проявляется в отношении человека к другим людям, а, во-вторых, — в его отношении к природе [23, р. 326].

Продолжая мысль британского философа, мы приходим к двойственной трактовке варварства как антипода цивилизации. Аналогичным образом, оно может пониматься не только как отношение человека к человеку (зверства на войне, преступления и другие деструктивные формы человеческого поведения), но и как отношение человека к природе (экологическое варварство). Зверства естественного состояния — это проявление агрессии человека, не вышедшего из природы, однако эта агрессия направлена на себе подобных, а не на разрушение природной среды. (В

этом смысле оправдание европейцами колониальной экспансии тем обстоятельством, что автохтонные народы недостаточно эффективно обрабатывают населенные ими территории [26, р. 147], строго говоря, направлено против общностей, находящихся в естественном состоянии, но не против «варваров».) Экологическое варварство — это осознанное причинение вреда природе эмансипировавшимися от нее людьми. В ситуации столкновения человечества с массой техногенных рисков и угроз актуальность обнаружило исследование новых видов варварства, в своей разрушительной мощи сближающихся с естественным состоянием.

Очевидно, что для анализа современных социально-политических процессов «старый» концепт варварства, сконструированный из европоцентристской перспективы, обнаруживает свою непригодность. В теоретическом дискурсе эксплицируются «новые» виды варварства, релевантные современной цивилизации. Значимой работой в данной области стала статья немецкого философа и социолога К. Оффе «Современное «варварство»: естественное состояние малого формата?», идеи которой получили развитие как в российской, так и в зарубежной философии. Важным выводом Оффе стало выделение двух видов варварства — существовавшего до появления цивилизации и возникшего после ее появления. Первый из них подлежит исторической или географической привязке, обозначая те регионы, которые не соответствовали критериям цивилизационного развития. Второй тип варварства связан с процессами, имманентными самой цивилизации, представляя собой ее саморазрушение [10, с. 99]. По свидетельству Э. Морена, сегодня сложился «альянс двух типов варварства»: деструктивные проявления насилия, имеющего религиозную, этническую, национальную подоплеку, сочетаются с технологическим феноменом, «варварством расчета», уничтожающего «человеческое в человеке» [9, с. 27]. О. Эберль, идеи которого более подробно будут осве-

щены ниже, выделяет понятия колониального и критического варварства, усматривая последний феномен в жизни современной цивилизации [25]. Возможности плодотворной рецепции концепта варварства современным философским и социально-гуманитарным дискурсом демонстрируются в монографии Н.В. Мотрошиловой «Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов» [10], а также в ряде публикаций российских ученых, посвященных антропологии латентного варварства [19], феноменам «нового варварства» [6] и «внутреннего варварства» [15]. Реализуя смысловой потенциал критического концепта варварства, Мотрошилова трактует его как «оборотную сторону» цивилизации, констатируя, что его рецидивы встречаются на протяжении всей истории человечества. Варварство как неустраняемый элемент цивилизационной жизни проявляется в тех формах человеческого поведения, которые присущи и естественному состоянию: «грубом насилии, крайней жестокости, <...> агрессии» [10, с. 132-133].

Раскрытый указанными авторами дезинтегрирующий характер современного варварства, а также его трактовка как реализации внеправового разрушительного насилия [10, с. 99], помещение его в доморальное и доправовое поле [19, с. 111] сближает его с феноменом естественного состояния. Однако и сама цивилизация нередко прибегает к насилию, «во имя демократии» навязывая свою волю «нецивилизованным» странам [10, с. 103], что, с нашей точки зрения, также может быть понято как угроза возврата естественного состояния. Насилие исходит как от «цивилизованных государств», так и от тех акторов, которые в ответ на насильственные попытки политической и социокультурной унификации прибегают к террору. В ситуациях применения бесконтрольного насилия цивилизация и варварство становятся неразличимыми «близнецами».

Современное «варварство», инкорпорированное в цивилизацию и подрывающее ее же устои, не может быть

четко локализовано. Оно трансгрессивно по своей сути, поскольку присутствует не за границей цивилизации, не угрожает ей извне, но разрушает ее границы изнутри. При анализе данных понятий не работает «манихейская логика», противопоставляющая полюс «мира, справедливости и прогресса» царству «насилия, зла и жестокости». Оба члена оппозиции «цивилизация — варварство» утрачивают свою концептуальную однородность. В этноцентристском и колониальном дискурсе о варварстве фигура варвара заключает в себе негативного другого, вынесенного за цивилизационные границы и угрожающего ее единству. Дискурс о внутреннем варварстве заключает фигуру негативного другого в рамки самой цивилизации, обосновывая необходимость борьбы за ее идеалы. В предельном случае концепт «варварства» утрачивает свое значение для описания тех форм насилия и угроз человеческому началу в человеке, с которыми сталкивается цивилизация. Так, по мнению З. Баумана, цивилизация, породившая такое беспрецедентное в истории человечества зло, как Холокост, содержит имманентные ей рациональные механизмы производства насилия. По сути процесс перехода от варварства к цивилизации представляет собой отказ от неупорядоченного насилия в пользу тех его упорядоченных и технологически опосредованных форм, которые легитимированы политической рациональностью [4, с. 121]. Н.В. Мотрошилова, приходя к выводу о сближении цивилизационных методов насилия с варварскими, отмечает: «Варварству в действительности противостоит не цивилизация, а другое варварство» [10, с. 103].

Как показала настоящая часть исследования, конституирование современного критического дискурса о варварстве было напрямую связано с событиями Первой и Второй мировых войн, когда западноевропейские интеллектуалы усомнились в достигнутом их обществами уровне «цивилизованности». И если вначале сравнение современного

человека с «варварами» прошлых эпох было во многом метафорическим, то постепенно оно обрело более четкие концептуальные очертания. В современном философском дискурсе концепт «варварство» приобрел новые смысловые оттенки, став концептуальным средством описания деструктивных (в том числе, технологически опосредованных) форм социального взаимодействия, а также воздействия человека на природу. Востребованность указанного концепта обусловлена необходимостью определения разрушительных последствий человеческой деятельности, которое не может быть семантически нейтральным. Сохраняя оценочную окраску, термин «варварство» становится при этом все более абстрактным, что обеспечивает возможность его использования для обозначения целого ряда социально-политических и социокультурных феноменов. Абстрагирование от этнических и европоцентристских коннотаций позволило современным исследователям выделять новые формы варварства и выстраивать его актуальные классификации. Приобретенная данным концептом абстрактность и способность выступать средством описания деструктивных процессов сближает его с «естественным состоянием» как элементом политико-философского дискурса.

**«Естественное состояние»:
философская абстракция
или инструмент
латентного колониализма?**

Очертив вектор смыслового сближения «варварства» с «естественным состоянием», который предполагает приобретение первым из них большей степени абстрактности, далее охарактеризуем обратный вектор — от «естественного состояния» к «варварству». Для этого обратимся к тем работам, в которых разоблачаются претензии концепта «естественное состояние» выступать в качестве нейтрального теоретического средства описания политического. П. Пурчерт (Purtschert) в

статье «По ту сторону естественного состояния. Постколониальное чтение Гоббса и Руссо» обосновывает правомерность трактовки рассматриваемого концепта не только в качестве «вспомогательной конструкции на службе теории, которая призвана прояснить отношение политического порядка к его истокам и нормативным основаниям», но и «мыслительной фигуры, которая вводит колониальные представления в политическую философию и делает их конститутивными для нее» [33, S. 861]. Таким образом, отказ от трактовки «естественного состояния» как исключительно спекулятивного конструкта, служащего необходимым инструментом познания и апологии политического, предполагает экспликацию его конкретно-исторической подоплеки. В своем исследовании Пурчерт выдвигает тезис о том, что «state of nature» невозможно рассматривать вне метафорически-наглядных представлений: возникает понятийно-образное единство, не только отсылающее к однопорядковому политическому конструкту (гражданское состояние), но включающее конкретно-эмпирическое содержание. «Конститутивная работа образа и понятия» наполняет идеи Гоббса и Руссо целым потоком наглядных ассоциаций: кровавые сцены гражданской войны и каннибализма чередуются с представлениями о существах, одиноко блуждающих в лесах или людях, украшающих себя венками из цветов и живущих в гармонии с природой [33, S. 864]. В обосновании своего тезиса об эмпирической привязке концепта «state of nature» к жизни примитивных племен Пурчерт ссылается на Х. Финка-Эйтеля, задающего риторический вопрос: «Если верно, что теория естественного состояния Гоббса является типической, логико-аналитической абстракцией, то от чего же она абстрагируется?» [33, S. 868].

Более масштабный и радикальный шаг в деконструкции эмпирически-нейтрального статуса естественного состояния предпринимает О. Эберль, эксплицитно связывающий его с вар-

варством. Примечательно, что монография Эберля «Естественное состояние и варварство. Обоснование и критика государственного устройства под знаком колониализма» [25] была признана в Германии лучшей политологической книгой 2022 года [35, S. 152]. Отметим, что установка, лежащая в основе названного исследования и направленная на постколониальное прочтение идей Гоббса, уже присутствовала в научной литературе: помимо приведенных выше идей П. Пурчерт следует упомянуть работу Ф. Манова «Фантазии о политическом истоке: Левиафан и его наследие», на которую ссылается Эберль [31]. Расширение круга «деколонизаторов» концепции Гоббса и сам факт официального признания научным сообществом подобных идей свидетельствует, с нашей точки зрения, о том, что речь идет не просто о ситуативном или спорадическом прочтении английского классика, но о начале формирования новой тенденции в интерпретации «Левиафана», имеющей не только философские, но и политические смыслы.

Эберль рассматривает оба вынесенные в заглавие его монографии концепта как «близнецы», реализуя установку на экспликацию их смысловых взаимосвязей и стремясь при этом обосновать, что «естественное состояние является теоретическим наследием понятия варварства» [25, S. 18]. Таким образом, политической философии приписывается рецепция колониальных понятий и их смыслового содержания. Как отмечает Эберль: «Колониальный момент образования теории входит здесь в обоснование государственного порядка. Вместе с тем речь идет не о том, как открытие Америки вообще осмысливается в трудах Гоббса, но о том, как проблема европейского общества (образование государства, монополия на власть) подводится к решению, которое рождается из взгляда на общества Америки как «варварские» или «дикие», т. е. безгосударственные общества» [25, S. 20]. Исследователь полагает, что дискурс о естественном состоянии осво-

бождается от терминологии дискурса о варварстве, само это понятие исчезает, однако ряд его элементов (жестокость, грубость, скудость и др.) переходят из старого дискурса в новый: «Колониальный взгляд на жизнь других как на варварство предвосхищает критику отсутствия государственности собственного общества» [25, S. 20].

Автор «Естественного состояния и варварства» обращает внимание на то обстоятельство, что Т. Гоббс использует обозначение «дикие» (а не «варварские»), утвердившееся к тому времени среди европейцев по отношению к коренным народам Северной Америки. По мере экспансии на территорию североамериканского континента испанцы сочли выражение «варвары», употребляемое по отношению к населению Южной Америки, слишком мягким, вследствие чего номадические народы Северной Америки стали именоваться «дикими» (savages). В отличие от народов, признаваемых колонизаторами «варварскими» (инки, майя и ацтеки), номадические народы были лишены государственности. Используемое Гоббсом выражение «дикие» обеспечило возможность трансформации понятия варварства в концепт естественного состояния [25, S. 22-23]. Таким образом, «естественное состояние» в рамках постколониального дискурса понимается не в качестве сугубо мыслительного абстрактного конструкта, но как феномен, восходящий к конкретно-эмпирическим и конкретно-историческим формам социального взаимодействия. Кроме того, концептуальный переход от использования термина «варварства» к «естественному состоянию», на наш взгляд, представляет собой вытеснение средства описания социокультурного и социально-этнического неравенства его политическим субститутом.

После того, как мы эксплицировали векторы сближения концепта «естественное состояние» с колониальным понятием варварства, необходимо ответить на вопрос, в чем смысл подобного шага в ситуации, когда их связь утратила свое принципиальное значение для

развития политической теории¹. Долгая история концепта «state of nature» продемонстрировала возможности его неоднократного переосмысления и расширения его смысловых горизонтов. Работы классических контрактуалистов Ж.-Ж. Руссо и Дж. Локка и в особенности новых контрактуалистов Дж. Ролза и Р. Нозика показывают, насколько плодотворным является использование в политической теории смыслового потенциала естественного состояния, понятого именно в качестве философской абстракции. Эмансипировав «естественное состояние» от конкретно-исторических смыслов, абстрактно-теоретическая мысль сделала возможным его использование в качестве одного из центральных концептов политической философии, «отправной точки» рефлексии зрелых социально-политических процессов. Столь плодотворная рецепция и долгая жизнь указанного концепта была бы невозможной, если бы он сохранил выраженную колониальную привязку.

Очевидно, что сознательно проводимая О. Эберлем установка на деколонизацию политической теории открывает для нее перспективы когнитивного регресса, возврата на ту стадию мышления о политическом, когда state of nature ассоциировалось с конкретной эпохой в человеческой истории. На наш взгляд, с тем же успехом, с каким исследователь разоблачает колониальную привязку Гоббсовой концепции естественного состояния, можно было бы осуществлять (к примеру, экспликацию ее научных (механистических) основа-

¹ Как отмечает в данной связи Д. Эггерс: «В то время как современники Гоббса зачастую интерпретировали его теорию как указание на определенную эпоху человеческой истории, подавляющее большинство современных интерпретаторов оценивает Гоббсову теорему естественного состояния в целом как методическую фикцию или настойчиво подчеркивают именно то обстоятельство, что намерение Гоббса состояло не в том, чтобы описать доисторическое состояние человечества или показать историческое возникновение государства, но в большей степени то обстоятельство, что с помощью простого мысленного эксперимента доказать необходимость государственного состояния и суверенного принудительного насилия» (цит. по: [33, S. 866]).

ний, утративших сегодня свою эвристическую значимость. Механистическая подоплека «Левиафана» раскрывается, в частности, К. Шмиттом. Немецкий правовед и философ полагает, что Гоббс «осуществляет перенос картезианского представления о человеке как механизме, наделенном душой, на «великого человека», государство, делая его машиной, одушевленной суверенно-представительной личностью» [34, S. 624]. Экспликация механистических оснований концепции Гоббса, вместе с тем, не приводит к ее теоретической дискредитации, что демонстрирует ее плодотворная рецепция как самим Шмиттом [20], так и вышеупомянутыми представителями нового контрактализма. Еще Коллингвудом была пресечена попытка механистического прочтения «Левиафана»: «искусственный человек» Гоббса представляет собой не что иное, как наглядное обозначение общей социальной воли [23, p. 272]. Для иллюстрации некорректности распространения результатов генетической реконструкции истоков политической теории на ее содержание и теоретическую значимость уместной представляется и аналогия с поиском утраченной внутренней формы слова в лингвистике. Можно проводить специальные исследования, которые позволят восстановить стертую внутреннюю форму, однако для отдельных носителей языка и для его функционирования в целом ее утрата не является катастрофичной. Слово живет собственной жизнью, обретая новые коннотации и оттенки смысла, которые наслаиваются на его этимологическое значение и вытесняют его.

В своей критической статье, разоблачающей предпринимаемую Эберлем установку на «деколонизацию политической теории», Л. Ваас приводит и другие примеры того, к какому истоку может возводиться генезис идеи естественного состояния. В частности, Х. Торнтон в качестве подобного истока рассматривает описанное в Библии грехопадение (время, наступившее после изгнания из Эдема), поскольку в латин-

ской версии «Левиафана» присутствует упоминание о «Каине и его брате». Сам Ваас полагает, что на присутствующее в «Левиафане» сходство гражданской войны с естественным состоянием могла оказать влияние переведенная Гоббсом работа Фукидида «История Пелопонесской войны». Кроме того, существует и точка зрения Д. Юма, который возводил «философскую фикцию естественного состояния» к идеям «Государства» Платона и к речи Цицерона «Pro Sestio» [35, S. 150]. Мы можем и далее множить попытки подобной генетической реконструкции, однако, очевидно, что в постколониальных исследованиях она выходит за рамки чисто познавательного интереса. Речь идет не просто об историко-философской экспликации генетических основ теории естественного состояния, но о дискредитации ее теоретической значимости и политических следствий.

На наш взгляд, из предпринимаемой Эберлем попытки деколонизации содержания концепта «естественное состояние» можно извлечь ряд следствий. Во-первых, тем самым повышается валидность концепта «варварство», ведь именно его содержательный потенциал трактуется в качестве основы становления Гоббсовой концепции общественного договора. Обнаруживается не только структурное сходство дискурсов о варварстве и *state of nature*, но и смысловое родство центральных для них концептов: оба они характеризуются отсутствием положительных признаков, конститутивных для социально-политического порядка. В одном случае речь идет об отсутствии государственности (*state of nature* понимается как «не-государство»). В другом случае — об отсутствии «языка, разума, политического порядка, культуры, религии, гуманности и т. д.» [25, S. 22], т. е. основополагающих признаков цивилизованной жизни. Таким образом, и «варварство» и «естественное состояние» являются политико-философскими фигурами отсутствия, однако первая из них наделяется гораздо большим концептуальным весом, по-

сколько именно с нее был снят слепок второй.

Во-вторых, осуществляется попытка переноса на понятие «естественное состояние» того устойчивого шлейфа негативных ассоциаций, который закрепился за фигурой варвара. Политическая философия ставится перед необходимостью пересборки собственных теоретических конструктов ввиду осознания того, что те фундаментальные тексты, на которые она опиралась, являются вторичными и, более того, запятнаны колониалистской риторикой. Вместе с тем утвердившееся в философском дискурсе понимание «естественного состояния» в качестве абстрактного мыслительного инструмента является настолько прочным, что академическому сообществу потребуются немало усилий для его развенчания.

В-третьих, деколонизация концепции естественного состояния, трактуемого как более поздний смысловой аналог варварства, влечет за собой переосмысление основы политического. Признание «запятнанности» колониальными смыслами дополитического состояния ставит под сомнение легитимность и всей основанной на нем политической (государственной) конструкции. Эберль отмечает, что «точка зрения политической теории на государство как на противоположность негосударства вплоть до глубочайших оттенков смысла переняла старый взгляд колонизаторов и поэтому нуждается в деколонизации» [25, S. 24]. Подобная логика приводит к формированию критических воззрений не только на ту форму государственного устройства, апология которой выстраивается Гоббсом, но и на государство как таковое, открывая возможности для его крайне либеральной и даже анархистской критики.

Рассуждая о перспективах политической теории «по ту сторону естественного состояния и варварства», Эберль указывает на следующие признаки ее деколонизации. Первым из них является освобождение «взгляда на государство от зависимости от ложных колониаль-

ных и этнологических посылок». Вторым — окончание «империализма государственности» и трансформация «теории обоснования государства» в «теорию ограничения государства». Наконец, в качестве третьего признака деколонизированной политической теории фигурирует смещение социально-критической оптики с «варварства» на «геноцид и преступления против человечности» и «расширение точки зрения на колониализм» [25, S. 28-29]. В приведенных тезисах с очевидностью прослеживается не только критика европоцентристских воззрений на политическое, но и государства как такового. Если его учреждение и апология подпитывались колониальным насилием, то на каком основании ему отдается приоритет перед дополитическим состоянием? Политическое насилие тем самым косвенно уравнивается в своем статусе с дополитической «войной всех против всех». Примечательно, что подобная мыслительная конструкция обнаруживается уже у Дж. Локка, на что указывает К. Шмитт, одновременно разоблачая латентный локковский выпад против «Левиафана» [34, S. 627]. По мнению Локка, естественное состояние, сохранившееся после заключения общественного договора в структуре суверенной власти, создает угрозу общественной безопасности. Суверен в Гоббсовой конструкции политического возвышается над законом, действие которого распространяется на индивидов в гражданском состоянии, что открывает возможности злоупотребления абсолютной властью и провоцирует вопрос о необходимости ее ограничения. Следовательно, пожертвовав «свободой естественного состояния», Гоббсовы индивиды совершили неравноценный обмен: страх перед «хорьками» и «лисами» сменился угрозой стать пищей для «львов» [8, с. 315]. Безусловно, рассуждения Локка (идеи, которого, как известно, повлияли на политику либерального колониализма [7, с. 285], [26, p. 146]) весьма далеки от деколонизаторской риторики Эберля. Тем не менее, их объединяет критическая интенция по отношению к тому государственному

состоянию, которым сменилась «война всех против всех». Преимущества оправдываемой Гоббсом модели государства перед дополитическим состоянием ставятся обоими авторами под сомнение. Подобный ход мысли катализирует поиски такой политической конструкции, которая могла бы выдержать обвинения в еще более антигуманном характере, нежели преодоленное ею состояние неупорядоченного насилия. Однако определение четких контуров неколониальной модели политического (как и поиск дополнительных аргументов в поддержку концепции государственного суверенитета) выходят за рамки настоящего исследования.

Данная часть исследования на примере реализации установки на деколонизацию дискурса о естественном состоянии показала, как интеллектуальный конструкт может приобретать идеологическую направленность и использоваться в политических целях. Экспликация генетического родства колониального понятия варварства и концепта естественного состояния небезынтересна с историко-философской точки зрения, но вопрос заключается в том, какие теоретические и политические следствия она повлечет за собой. С нашей точки зрения, постколониальный дискурс значительно сужает смысловые горизонты концепта «естественное состояние», изначальная смысловая избыточность которого послужила залогом его долгой и плодотворной философской жизни.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что его основным результатом стал вывод о сближении концептов «варварство» и «естественное состояние» в современном социально-философском и политико-философском дискурсе. Конституирование критического дискурса, включающего названные концепты, происходит в ситуации кризиса, который охватывает различные стороны человеческого и социального бытия. И варварство и естествен-

ное состояние были определены нами как «негативные концепты», имплицитно угрожающие возврату на пройденную ступень развития. Поскольку «естественное состояние» изначально выстраивалось как философская абстракция, а «варварство», напротив, включало в себя конкретно-исторические смыслы, сближение указанных средств анализа социально-политической реальности предполагает обоюдное движение мысли от абстрактного философского содержания к эмпирически данным феноменам, и наоборот. Вместе с тем каждый из рассматриваемых концептов способен функционировать и в собственном смысловом поле: «естественное состояние» включает в себя, прежде всего, угрозы политическому, варварство — угрозы цивилизационному.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агамбен, Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Дж. Агамбен. — М. : Изд-во «Европа», 2011. — 256 с. — EDN: RDHKRZ
2. Анкерсмит, Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / Ф. Анкерсмит. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 432 с.
3. Балаклеец, Н. А. Феномен политического и границы насилия / Н. А. Балаклеец // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2023. — № 1. — С. 97–106. — DOI 10.18384/2310-7227-2023-1-97-106. — EDN IDUDGR.
4. Бауман, З. Актуальность Холокоста / З. Бауман. — М. : Изд-во «Европа», 2010. — 316 с. — EDN: RDGYOF
5. Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Т. Гоббс. — М. : Мысль, 1991. — 731 с.
6. Зарубина, Н. Н. «Новое варварство» в цивилизационной перспективе: воздействие на человеческий капитал / Н. Н. Зарубина, С. А. Кравченко // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 1. — С. 31–44. — DOI 10.17976/jpps/2022.01.04. — EDN AIPRKF.
7. Келли, П. Конфликт, война и революция: Проблема политики в кон-

цепциях международных отношений / П. Келли. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — 616 с. doi: 10.17323/978-5-7598-2974-4

8. Локк, Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3 / Дж. Локк. — М. : Мысль, 1988. — 668 с.

9. Морен, Э. К пропасти? / Э. Морен. — СПб.: Алетейя, 2011. — 136 с. — EDN: SDSOGZ

10. Мотрошилова, Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов / Н. В. Мотрошилова. — М. : ИФРАН, «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2010. — 480 с. — EDN: SIOLRB

11. Нозик, Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик. — М. : ИРИСЭН, 2008. — 424 с. — EDN: QQLXIP

12. Робин, К. Страх. История политической идеи / К. Робин. — М. : Прогресс-традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. — 368 с. — EDN: QQKJMB

13. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. — М. : Издательство ЛКИ, 2010. — 536 с. — EDN: QOLBEN

14. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо // Тракта-ты. — М. : Наука, 1968. — С. 31–108.

15. Сулимов, С. И. Внутреннее варварство как социально-философская проблема современности / С. И. Сулимов, Б. В. Васильев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2024. — Т. 40, № 1. — С. 121–133. — DOI 10.21638/spbu17.2024.110. — EDN HAFFOU.

16. Филиппов, А. Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья первая / А. Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. — 2009. — Т. 8, № 3. — С. 102–112. — EDN LAIQOF.

17. Фрейд, З. Своевременные мысли о войне и смерти / З. Фрейд // Исследования по психоанализу культуры. Russian Imago 2001: Сборник статей. — СПб.: Алетейя, 2002. — С. 30–48.

18. Фуко, М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2005. — 312 с. — EDN: QWLMUN

19. Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства. — М. : Аквилон, 2019. — Вып. VIII. — 368 с. — EDN: WAZKFB

20. Шмитт, К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса / К. Шмитт. — СПб. : «Владимир Даль», 2006. — 300 с. — EDN: QWMZOF

21. Шмитт, К. Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum* / К. Шмитт. — СПб.: Владимир Даль, 2008. — 670 с. — EDN: QQQKAB

22. Юнг, К. Г. «Заратустра» Ницше. Записи семинаров, проведенных в 1934–1939 гг. Том II (май 1935 — март 1936) / К. Г. Юнг. — М. : Касталия, 2024. — 400 с.

23. Collingwood, R. G. The new Leviathan, or man, society, civilization and barbarism / R. G. Collingwood. — Oxford: An the clarendon press, 1947. — 389 p.

24. Eberl, O. Der Naturzustand zwischen Kontext und Konstruktion: methodische Bedingungen politischer Theoriebildung / O. Eberl, S. Lechner // Zeitschrift für Politische Theorie. — 2024. — № 1. — S. 3–18. — <https://doi.org/10.3224/zpth.v15i1.01>

25. Eberl, O. Naturzustand und Barbarei. Begründung und Kritik staatlicher Ordnung im Zeichen des Kolonialismus / O. Eberl. — Hamburg: Hamburger Edition, 2021. — 530 S.

26. Hendlin, Y. H. From Terra Nullius to Terra Communis: Reconsidering Wild Land in an Era of Conservation and Indigenous Rights / Y. H. Hendlin // Environmental Philosophy. 2014. — Vol. 11, No. 2. — Pp. 141–174. — doi: 10.5840/envirophil20143205

27. Hüppauf, B. Der moderne Krieg und das Irrationale / B. Hüppauf // Schuld und Sühne? : Kriegserlebnis und Kriegsdeutung in deutschen Medien der Nachkriegszeit (1945 — 1961). — Amsterdam: Rudopi, 2001. — S. 155–171.

28. Jellinek, G. Allgemeine Staatslehre / G. Jellinek. — Berlin: Verlag von O. Häring, 1914. — 840 S.

29. Koselleck, R. Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache /

R. Koselleck. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2006. — 569 S.

30. Lohmüller, T. Das Unbehagen im Frieden. Freud und Scheler über Krieg und Tod / T. Lohmüller // *Revista de Filología Alemana*. — 2013. — Vol. 24. — S. 163-182. http://dx.doi.org/10.5209/rev_RFAL.2013.v21.42132

31. Manow, Ph. Politische Ursprungsphantasien: Der Leviathan und sein Erbe / Ph. Manow. — Konstanz: Konstanz Univ. Press, 2011. — 243 S.

32. Offe, C. Institutionen, Normen, Bürgertugenden, Ausgewählte Schriften von Claus Offe 3 / C. Offe. — Wiesbaden: Springer VS, 2019. — XVII + 417 S. — https://doi.org/10.1007/978-3-658-22261-1_4

33. Purtschert, P. Jenseits des Naturzustandes. Eine postkoloniale Lektüre von Hobbes und Rousseau / P. Purtschert // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. — 2012. — № 60(6) — S. 861-882. — <https://doi.org/10.1524/dzph.2012.0065>

34. Schmitt, C. Der Staat als Mechanismus bei Hobbes und Descartes / C. Schmitt // *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. — 1936. — Vol. 30. — S. 622-632.

35. Waas, L. R. Verhaftet den Hauptangeklagten unter den übrigen Verdächtigen! — Die „Dekolonisierung“ politischer Theorie oder Hobbesius redivivus? / L. R. Waas // *ZPTh — Zeitschrift für Politische Theorie*. — 2023. — № 14(1). — S. 143-153. — <https://doi.org/10.3224/zpth.v14i1.09>

REFERENCES

1. Agamben, G. (2011) *Homo sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Tr. from Ital. Moscow, Evropa, 256 p. EDN: RDHKRZ

2. Ankersmit, F. (2014) *Aesthetic politics. Political philosophy beyond fact and value*. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 432 p.

3. Balakleets, N.A. (2023) The Phenomenon of the Political and the Limits of Violence. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*,

no. 1, pp. 97-106. DOI 10.18384/2310-7227-2023-1-97-106. — EDN IDUDGR.

4. Bauman, Z. (2010) *Modernity and the Holocaust*. Transl. from Engl. by S. Kastal'skii and M. Rudakov, Moscow, Evropa, 316 p.

5. Hobbes, Th. (1991) *Works in 2 volumes*. Vol. 2. Moscow, Mysl', 731 p.

6. Zarubina, N.N., Kravchenko, S.A. (2022) "New barbarism" in a civilizational perspective: impact on human capital. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 31-44. DOI 10.17976/jpps/2022.01.04. — EDN AIPRKF.

7. Kelly, P. (2025) *Conflict, War and Revolution. The Problem of Politics in International Political Thought*. Transl. from Engl. by D. Kralechkin, Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 616 p. doi: 10.17323/978-5-7598-2974-4

8. Locke, J. (1988) *Works in 3 volumes*. Vol. 3. Moscow, Mysl', 668 p.

9. Morin, E. (2011) *Towards the abyss?* Transl. from French by G. Naumova, St. Petersburg, Aleteiya, 136 p. EDN: SDSOGZ.

10. Motroshilova, N.V. (2010) *Civilization and Barbarism in the Age of Global Crises*, Moscow, IFRAN, «Kanon +», ROOI «Reabilitatsiya», 480 p. EDN: SIOLRB.

11. Nozick, R. (2008) *Anarchy, State, and Utopia*. Transl. from Engl. by B. Pinsker, Moscow, IRISEN, 424 p. EDN: QQLXIP.

12. Robin, C. (2007) *Fear. The History of a Political Idea*. Transl. from Engl. by A. Georgiev and M. Rudakov, Moscow, Progress-traditsiya; Publishing House «Territoriya budushchego», 368 p. EDN: QQKJMB.

13. Rawls, J. (2010) *A Theory of Justice*. Transl. from Engl. by V.V. Tselishev, Moscow, LKI Publ, 536 p. EDN: QOLBEN.

14. Rousseau, J.-J. (1968) *Discourse on the Origin and Basis of Inequality Among Men*. In: Rousseau, J.-J. *Treatises*. Transl. from French. Moscow, Nauka, pp. 31-108.

15. Sulimov, S.I., Vasil'ev, B.V. (2024) Internal Barbarism as a Socio-philosophical Problem of Modernity. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. vol. 40, issue 1, pp. 121-133. DOI 10.21638/spbu17.2024.110. — EDN HAFFOU.

16. Filippov, A.F. (2009) The vitality of Hobbes' philosophy. Article one // *Socio-*

logical Review. vol. 8, no. 3, pp. 102-112. EDN LAIQOF.

17. Freud, S. (2002) Thoughts for the Times on War and Death. In: Research in the psychoanalysis of culture. Russian Imago 2001: Collection of articles. Trans. from Germ. St. Petersburg, Aleteiya, pp. 30-48.

18. Foucault, M. (2005) Society Must Be Defended: Course of lectures given at the Collège de France in the academic year 1975–1976. Transl. from French by E.A. Samarskaya. St. Petersburg, Nauka, 312 p. EDN: QWLMUN

19. Civilization and barbarism: the anthropology of latent barbarism (2019) Moscow, Akvilon, issue VIII, 368 p. EDN: WAZKFB

20. Schmitt, C. (2006) The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes. Transl. from Germ. by D.V. Kuznitsyn. St. Petersburg, Vladimir Dal', 300 p. EDN: QW-MZOF

21. Schmitt, C. (2008) The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum. Transl. from Germ. by K.V. Loschevsky, Yu.Yu. Korinets. St. Petersburg, Vladimir Dal', 670 p.

22. Jung, C.G. (2024) Nietzsche's "Zarathustra". Notes from Seminars held in 1934-1939. Vol. II (May 1935 — March 1936). Moscow, Kastaliya, 400 p.

23. Collingwood, R.G. (1947) The new Leviathan, or man, society, civilization and barbarism. Oxford, An the clarendon press, 389 p.

24. Eberl, O., Lechner, S. (2024) The state of nature between context and construction: methodological conditions for political theory formation, Journal of Political Theory, no. 1, pp. 3-18. <https://doi.org/10.3224/zpth.v15i1.01>

25. Eberl, O. (2021) State of nature and barbarism. Justification and critique of state order in the context of colonialism. Hamburg, Hamburger Edition, 530 p.

26. Hendlin, Y.H. (2014) From Terra Nullius to Terra Communis: Reconsidering Wild Land in an Era of Conservation and Indigenous Rights, Environmental Philosophy, vol. 11, no. 2, pp. 141-174. doi: 10.5840/envirophil20143205

27. Hüppauf, B. (2001) Modern war and the irrational. In: Guilt and atonement? : War experience and interpretation of war in postwar German media (1945–1961). Amsterdam, Rudopi, pp. 155-171.

28. Jellinek, G. (1914) General Theory of the State. Berlin, Verlag von O. Häring, 840 p.

29. Koselleck, R. (2006) Conceptual Histories: Studies on the Semantics and Pragmatics of Political and Social Language. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 569 p.

30. Lohmüller, T. (2013) The Uneasiness in Peace: Freud and Scheler on War and Death, Journal of German Philology, vol. 24, pp. 163-182. http://dx.doi.org/10.5209/rev_RFAL.2013.v21.42132

31. Manow, Ph. (2011) Political fantasies of origin: The Leviathan and its legacy. Konstanz, Konstanz Univ. Press, 243 p.

32. Offe, C. (2019) Institutions, norms, civic virtues, selected writings by Claus Offe 3. Wiesbaden, Springer VS, XVII + 417 p. https://doi.org/10.1007/978-3-658-22261-1_4

33. Purtschert, P. (2012) Beyond the State of Nature: A Postcolonial Reading of Hobbes and Rousseau, German Journal of Philosophy, no. 60(6), pp. 861-882. <https://doi.org/10.1524/dzph.2012.0065>

34. Schmitt, C. (1936) The State as a Mechanism by Hobbes and Descartes, Archive for Legal and Social Philosophy, vol. 30, pp. 622-632.

35. Waas, L.R. (2023) Arrest the main defendant among the other suspects! — The "decolonization" of political theory or Hobbesius redivivus?, ZPTH — Journal of Political Theory, no. 14(1), pp. 143-153. <https://doi.org/10.3224/zpth.v14i1.0>

For citing: Balakleets, N. A. (2025) "Barbarism" and "state of nature": in search of semantic parallels. *Sotsium i vlast/Society and Power*, 22 (4), pp. 102–121. EDN NUHRLX.

SCIENTIFIC ARTICLE

EDN NUHRLX

HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.7

UDC 172.4

Code of State Categories Scientific and Technical Information 02.41.21

"BARBARISM" AND "STATE OF NATURE": IN SEARCH OF SEMANTIC PARALLELS

Natalia A. Balakleets,

Samara State Technical University,
Associate Professor, Department of Philosophy,
Social Sciences and Humanities,
Cand. Sc.(Philosophy), Associate Professor.
Samara, Russia.
SPIN: 9517-9438
ORCID: 0000-0001-5191-3318
Scopus ID 57195804831
Researcher ID AAD-9316-2021
E-mail: bnatalja@mail.ru

ABSTRACT

Introduction. Despite the long and arduous efforts of mankind aimed at humanizing social and political relations, they do not become more stable and free from violence. In conditions of unstable and risky modernity, the concepts of "barbarism" and "state of nature" reveal their relevance and acquire new meanings. These concepts serve as significant means of analyzing socio-political reality.

The purpose of the article is to disclose the semantic analogy between the concepts of "state of nature" and "barbarism", established or outlined in the works of political philosophy classics and modern authors, as well as to explicate the ways of semantic rapprochement of these concepts.

Methods. The author uses methodological principles and guidelines of hermeneutic and comparative analysis, which made it possible to carry out a comparative study of conceptual tools belonging to different layers of philosophical discourse. Through the elements of social constructivism and discourse analysis the philosophical and political foundations of the concepts studied in the article are identified. In addition, the methodological tools of intellectual history and R. Koselleck's history of concepts are used.

Scientific novelty of the study lies in formulating the problem of convergence of discourses on barbarism and state of nature, explicating the reasons for this convergence, as well as the resulting prospects for developing political philosophy. Two ways of converging the concepts of "barbarism" and "state of nature" are explicated. The first of them is based on the concept of "barbarism" losing its ethno- and Eurocentric meanings. The second way involves giving both concepts the status of tools for studying empirically reliable socio-political realities.

Results. The theoretical and empirical asymmetry of the concepts of "barbarism" and "state of nature", understood in their genetic aspect, is revealed. The first of them initially served as a means of designating empirically reliable social realities, while the second was constructed as an abstract philosophical tool necessary for the study and apology of the political one. The article shows the ways of transforming the semantic content of the concept of "barbarism", which, while generally retaining a critical meaning, becomes increasingly abstract and loses its narrow ethnocentric meaning. It is shown that a number of authors (Ph. Manow, P. Purtschert, O. Eberl) are trying to deconstruct the colonial meanings of the "state of nature". Linking this concept to historical specifics allows us to interpret it as a theoretical heritage of "barbarism", which entails a number of consequences for political philosophy.

Conclusions. The concepts of "barbarism" and "state of nature" still remain significant for describing modern socio-political realities. Their semantic convergence occurs in a situation of crisis, covering various aspects of social life, and testifies to the close interpenetration of the social and the political. At the same time, each of these concepts is capable of functioning in its own semantic field, being incorporated into modern philosophical discourse.

KEYWORDS

barbarism,
state of nature,
political philosophy,
state,
civilization,
colonialism,
violence

CONFLICT OF INTEREST

The author declares that there is no conflict of interest.

Article received: 10.07.2025

Reviews received: 12.11.2025

Accepted for publication: 21.11.2025

Copyright: © Balakleets N. A. (2025).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.
Open access under CC BY-NC License 4.0.